

ОКСАНА ГОЛОВАШИНА / OXANA GOLOVASHINA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

Derzhavin Tambov State University

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНСКИХ МИГРАНТОВ В ПОЛЬШЕ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ¹

Models of Integration of Ukrainian Migrants in Poland in the Context of the Conflict of Historical Narratives

Ключевые слова. Культурная память, травма, исторический нарратив, миграция, украинская миграция в Польше, конфликты памяти

KEYWORDS: Cultural memory, trauma, historical narrative, migration, Ukrainian migration in Poland, memory conflicts

АБСТРАКТ: The paper studies the integration models used by Ukrainian migrants living in Poland and the resulting problems associated with the rivalry between historical narratives of the Ukrainians and the host community. The author's work is based on the concept of cultural memory (Maurice Halbwachs, Aleida Assman) and the idea of the dynamic character of images of the past (Jeffrey K. Olick). The data for the study was collected during 30 in-depth interviews with the Ukrainian migrants and also from social networks, forums and open Internet resources. The study has revealed that the majority of the Ukrainian migrants seek to avoid the rivalry between historical narratives, arguing that they personally are not involved in it and events of the past are no longer actual in modern life. Close contacts with representatives of the host community contribute to the assimilation of the Ukrainians. Only a few of the interviewed respondents choose the Ukrainian historical narrative, however they are not going to throw their lot in with Poland. The paper also thoroughly discussed the factors contributing to the choice of one or another position.

Возрастающий поток украинских мигрантов в Польше повышает актуальность изучения соотношения польского и украинского исторических нарративов и их конфликтного потенциала. В настоящий момент около миллиона украинцев в Польше находятся в ситуации конкуренции исторических нарративов и практически ежедневно вынуждены выстраивать диалог с принимающим сообществом. При отсутствии работающих моделей такого диалога мигранты сами находят и/или создают варианты взаимодействия

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект No19-18-00421).

в зависимости от личной интерпретации полученной на родине исторической информации, опыта жизни в Польше, социального окружения и т.д. Довольно многочисленные общественные организации, помогающие украинцам (их подробный анализ см. Łada/Böttger 2016) решают экономические, социальные вопросы, но какая-либо трактовка исторических событий остается личным делом мигрантов. Для успешной интеграции они вынуждены отказываться от привычного им исторического нарратива или трансформировать некоторые его аспекты.

Предлагаемая статья представляет собой один из результатов проведенного в октябре–ноябре 2017 года изучения исторических нарративов русскоязычных мигрантов в городах Варшава, Краков, Познань. Цель исследования заключалась в анализе способов взаимодействия различных форм культурной памяти, в том числе, конфликтов, возникающих в процессе этого взаимодействия, границ усвоения и принятия различных представлений о прошлом и влияния на эти процессы культурной памяти принимающего сообщества. Выбор этих городов был обусловлен содержащимся в ряде работ (Brzozowska 2014; Grzymała-Kazłowska 2014) данными о расселении различных групп мигрантов. Основными источниками стали неструктурированные интервью с мигрантами, наблюдение за формальными и неформальными мигрантскими сообществами, мероприятиями, организованными мигрантами и/или для мигрантов, а также данные социальных сетей, тематических форумов, мигрантской прессы. Исследование было поддержано Центром польско-российского диалога и согласия (Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia). В этой статье представлены результаты обработки 30 интервью с украинскими мигрантами 20–47 лет, проживающими в Польше в течение 2–10 лет. 19 мужчин и 11 женщин, 15 человек приехало с Восточной части Украины и столько же с Западной. 18 человек – студенты высших польских учебных заведений (из них 12 совмещают учебу с работой), 6 работают в сфере обслуживания, 3 предпринимателей, 4 домохозяйки, 4 – заняты в сфере образования, 5 работают в строительстве, 2 находятся в поиске работы. Запись интервью велась на диктофон с согласия информантов. 76 % мигрантов назвали стремление повысить свой уровень жизни основной мотивацией для миграции (под «уровнем жизни» мигранты имели в виду уровень дохода, социальную стабильность, возможности для личностного и профессионального роста), остальные информанты в качестве причин миграции указали личные (замужество, помощь детям, которые уже проживают в Польше и т.д.), любопытство (хотелось пожить в другой стране), желание самостоятельной жизни, интерес к польской культуре и т.д. Среди респондентов не было профессиональных историков, мигрантов с историческим образованием или тех, кто назвал изучение истории своим устойчивым интересом.

История перестала быть только прерогативой избранных интеллектуалов, а все чаще становится объектом личных переживаний и коллективных интерпретаций в повседневных практиках. Поколения, оставаясь носителями личной, семейной памяти, используют доминирующий официальный дискурс, иногда соответствующую ему историософскую модель (Асриян 2017) для повествования о сохранившихся образах прошлого, и в ситуации возможного конфликта собственного опыта и официальной интерпретации (например, в постсоциалистических странах, где коллективные представления о прошлом находились под влиянием сначала социалистической, а потом пост (как правило, анти-) социалистической дискурсивной модели) возможны интересные, зачастую, парадоксальные сочетания. Интерпретация прошлого оказывается социальной практикой, определяющей модели поведения и действий людей. В этих условиях взаимоотношения Польши и Украины осложняются не историческими конфликтами, а конкуренцией исторических нарративов, цели которых определяется формированием национальной идентичности, необходимостью сплочения нации, существующими моделями исторического повествования, актуальной политической повесткой.

Миграция украинцев в Польшу началась еще в 1990-е, однако после 2014 года она резко увеличилась. В 2013 году украинцами были получены 1694 вида на жительство и 9795 временных видов на жительство (срок действия до 3 лет), в 2014 уже 3484 и 17 103 соответственно, а за 9 месяцев 2015 года – 4570 и 21 872 (Office for Foreigners 2015). На 1 июля 2016 году украинцам принадлежало 31% всех выданных иностранцам видов на жительство. Треть граждан Украины, получающих образование за рубежом, учатся в польских образовательных учреждениях (Gomółka 2016), при этом в 2014/2015 учебных годах количество украинцев в польских вузах увеличилось в два раза по сравнению с предыдущим периодом (Stadnyj 2015).

Анализ данных проведенного эмпирического исследования показал следующие результаты.

Самая распространенная стратегия, которой, в целом, придерживались 18 из 30 опрошенных мигрантов и большинство из участников мигрантских сообществ – это отказ от конкуренции. В основном, ее выбирают молодые люди, которое прожили в Польше несколько лет. Приезжая, украинцы не отказываются от своего исторического нарратива, но и не готовы принять новый, поэтому они или 1) пытаются снизить значение прошлого в современной жизни, или 2) отрицают личную связь с конфликтными событиями прошлого.

Первая стратегия в общих чертах совпадает с внешнеполитическими высказываниями украинского руководства. Это свидетельствует о наличии общих культурных оснований, заставляющих политическую элиту и граждан Украины выбирать схожие стратегии. Мигранты говорят, что трагические

исторические события (прежде всего, «Волынская резня») были давно, а сейчас другое время и не стоит обращать внимание на прошлое («Пора жить сегодняшним днём...смотреть вперёд, а не назад...») (М., 26 лет), «Это история...там есть много плохого, но есть и много хорошего...пора уже дать покой этим бесконечным раздорам...» (Ж., 37 лет). Иногда информанты призывают к более широкому взгляду на историю, которая не ограничивается польско-украинскими отношениями («Немцы тоже плохо обращались с нами обращались – и что с этого?») (М., 22 года), «Волынь – это региональный конфликт, он ничего не значит, таких много в истории было, зачем сейчас это вспоминать?» (М., 29 лет).

Данная стратегия может выражаться в признании равнозначности разных трактовок и возможности их сосуществовании. История в представлениях информантов оказывается собственностью государства, трактуется как часть государственной идеологии: «Пусть здесь снимают такие фильмы, какие им больше нравится. А мы улицы называем, как нам нравится» (М., 41 год); «В Варшаве на улицах говорят одно, в Львове – другое. Это нормально» (Ж., 33 года). Информанты избегают давать каких-либо оценок исторических событий или героев – они подчеркивают, что государство (Украина, Польша) имеет право на ту историю, которая им больше нравится, потому что никто не знает, как было на самом деле.

Вторая стратегия проявляется в отрицании своей личной связи с трагическими событиями прошлого: «Ни я, ни мои родственники в этом («Волынская резня») не участвовали» (Ж., 29 лет); «УПА – это не вся Украина» (Ж, 21 год), «Я вообще из другого города/ Это за тысячу километров от меня». Подобная позиция позволяет мигрантам объяснить себе, что фильм «Волынь» – не про них, а про каких-то других людей, которые не имеют к ним никакого отношения. Причем другая семейная история не дискредитирует эту стратегию: выходец из Украины, польские родственники которого пострадали при Волыни, сказал, что им уже не поможет, если он сейчас будет как-то по особенно относиться к этому событию. Эта стратегия позволяет сохранять личную дистанцию по отношению к польско-украинским битвам памяти за счет отрицания значимости прошлого.

Главная цель отказа от конкуренции исторических нарративов со стороны мигрантов – это желание уменьшить возможность возникновения конфликтных ситуаций в стране пребывания. Необходимость найти хорошую работу, общение с чиновниками представляются мигрантам более серьезными проблемами, чем события прошлого. Эта позиция связана с опытом знакомства с информантов с историей. Даже самые молодые из опрошиваемых мигрантов сталкивались на родине с непредсказуемостью прошлого своей страны. Если нарратив школьных учебников сохраняет определенную целостность на протяжении последнего десятилетия, то информация, поступающая через

СМИ, постоянно предлагает другие, часто противоположные предыдущим, трактовки, а старшие родственники или друзья могут выступать транслятором советского исторического нарратива, критикуемого современными украинскими пособиями по истории. Таким образом, мигранты настроены на формирование определенной гибридной идентичности, в которой культурная память страны исхода сочетается с актуальной культурной реальностью. Культурная память обычно довольно долго сохраняет доминирующие положение, чему способствует не только сама природа культурной памяти, но и отношение к мигрантам со стороны поляков как к «украинцам», «приезжим», «зароботчанам». Однако необходимо отметить тенденцию к увеличению роли актуальных культурных элементов с увеличением продолжительности пребывания в Польше и степени интеграции.

Иногда объяснения отношения к украинскому прошлому были довольно оригинальные: например, один информант объяснял его тем, что не чувствуют своей связи с Украиной или Польшей: «Я космополит . То есть безродный по сути... и то что я прожил 26 лет на территории Украины не делает меня украинцем» (М., 29 лет); другой считал социальную идентификацию важнее национальной: «Я простой работяга , и у нас своих проблем полно, вот и не грузим друг друга этой политической белибердой. Рабочий он и в Африке рабочий!» (М., 41 год). Стремление оправдать украинцев в Волыне, сохранив дружественное отношение к полякам, заставляет опять обращаться к общему врагу: один из информантов доказывал, что «Волынскую резню» организовали советские спецслужбы, переодевавшиеся в украинцев.

Длительная последовательная реализации этой стратегии при интеграции в принимающее сообщество невозможна. Вполне понятно, что мигранты могут не интересоваться историческими нарративами, однако принимающее сообщество не может в целом не касаться конфликтных событий в прошлом. Вопросы о Волыни и личности Степаны Бандеры, по словам информантов, стали довольно популярными в собеседовании для получения вида на жительство в последний год, при этом, как отмечают другие информанты, раньше на подобных собеседованиях не требовалось давать оценку историческим событиям.

Принятие (частично или полностью) исторического нарратива принимающего сообщества является еще одной стратегий, которую выбирают украинские мигранты.

Несмотря на декларируемое стремление оставить историю в прошлом, она ждет мигрантов в СМИ, фильмах, соседях, которые учились в других школах. Поэтому некоторые мигранты (8 человек из тех, с кем было проведено интервью), соглашаются с историческим нарративом принимающего сообщества. Как правило, об этом говорится в дискурсе осознания: «Я только здесь понял, какими мы были свиньями» (М., 38 лет); «Нам в школе про

это не говорили, а здесь понятно стало» (Ж., 40 лет). Все мигранты, участвующие в интервью, стремились оправдать принятие польского исторического нарратива: ссылались на свое гуманитарное образование, позволяющие им делать объективные, как они говорят, выводы, (независимо от того, в какой стране это образование было получено), на образование мужа/друга-поляка, реже – на самостоятельное исследование источников. «Мы должны признать свои исторические ошибки» (Ж., 33 года), «Раньше я об этом не знал, но теперь понимаю, за что поляки нас не любят» (М., 28 лет), – говорят мигранты. Отказываясь от того, чтобы обращать внимание на возможные конфликты с принимающим сообществом, мигранты подчеркивали те общие черты, которые, на их взгляд, объединяют поляков и украинцев: «славянская душа», разделенность нации и т.д. Эта точка зрения позволяет мигрантам констатировать свою интеграцию в польское сообщество, однако избежать резкой критики своей родины. Образ Советского Союза (и часто России) как тоталитарной империи, которая стремилась поссорить два народа (поляков и украинцев), терроризируя любые проявления свободомыслия, вполне соответствует современной польской политике памяти и перенимается в настоящий момент украинцами. В крайних случаях имеет место изменение собственной семейной истории, в которой дед, существовавший в сознании как участник Великой Отечественной войны (то есть, часть советского героического пантеона) интерпретируется как преступник.

Еще одной стратегией является выбор исторического нарратива, характерного для страны исхода, однако среди опрошенных украинцев только единицы выбрали подобную модель. Они критиковали поляков за их нежелание понимать украинскую историю и упрощенные трактовки и не собирались оставаться в Польше на постоянное место жительства (хотя и возвращаться в Украину тоже не планировали).

Трансляции украинского исторического нарратива не происходит, потому что невозможно говорить о существовании сплоченной украинской диаспоре в Польше. Возможно, реально работающие сообщества соотечественников появятся позже, но сейчас основной поток мигрантов из Украины, прибывающих в с 2014 года, не может быть интегрирован прежними или недавно образованными формальными организациями. само польское мигрантское сообщество сильно разобщено и иногда расколото. «Познакомлюсь с парнем-украинцем. Бандеревцам не беспокоить», - пишет девушка из Украины в сообществе мигрантов в социальных сетях. Толерантные по отношению к мигрантам, приехавшим из других стран, открытые к диалогу с поляками, украинцы при этом бывают крайне нетерпимы к своим соотечественникам. Они готовы отказаться от стереотипов, связанных с россиянами и поляками, несмотря на сложную совместную историю, но считают выходцев с Западной Украины агрессивными, националистами-фанатиками, а жителей Востока

– глупыми, склонными к алкоголизму и не знающими украинский язык. Несмотря на актуальную политическую ситуацию, выходец со Львова скорее согласится снимать квартиру совместно с россиянином, чем мигрантом из Днепропетровска. Несмотря на наличие множества организаций, помогающих в интеграции украинцам, большинство опрашиваемых мигрантов стремятся избегать круга соотечественников или (обычно в случае слабого знания польского языка) предпочитают сообщества по интересам, которые носят в целом русскоязычный характер, и акцентирование любой национальной идентичности (украинской, российской, белорусской, азербайджанской) там не приветствуется. Подобная ситуация обеспечивает воспроизводство только самых неконфликтных образов (национальная кухня, популярная культура, образы природы).

Исследование не выявило разницы в ответах между мигрантами, приехавшими по рабочей, учебной визе и репатриантами, имеющими польские корни. Несмотря на то, что многие из репатриантов знают польский язык как родной, включены в польскую культуру, они также как остальные мигранты стремились избежать конкуренции нарративов, и выбирали польские трактовки только после длительного периода жизни в Польше – как и остальные украинские мигранты. Польское происхождение в большинстве исследуемых случаев затрудняло интеграцию, так как репатрианты не только решали задачи, естественные для всех мигрантов, но и пытались нивелировать конфликт между своим происхождением (и, зачастую, идентификацией) и реакцией на них окружающих как на украинцев. Информанты обращали внимание на то, что даже при знании польского языка на уровне родного, они не понимают польский юмор, сталкиваются с отрицательным отношением преподавателей в университетах, местных жителей. Так же не обнаружилась ожидаемая корреляция между предыдущим местом жительства информантов и их выбором той или иной стратегии – выходцы с Восточной и Западной Украины одинаково отвечали на вопросы.

На выбор той или иной стратегии приоритетное влияние оказывает окружение мигрантов. Анализ страниц в социальных сетях показали, что, чем больше связей с принимающим сообществом, тем чаще мигранты соглашаются с польским историческим нарративом. Все информанты, склоняющиеся в этом варианте или состояли в смешанных браках (80% из тех, кто принимает польский исторический нарратив), или работали в польском коллективе. Довольно распространенные браки между поляками и украинцами, по мнению исследователей, не столько улучшают интеграцию украинцев, сколько приводят к их ассимиляции (Brzozowska 2014; Fihel/Górny/Grzymała-Kazłowska i in. 2007). Сами украинцы в интервью отмечают, что Польша стала домом, когда здесь родились дети.

Информанты, которые прожили в Польше более 5 лет, отмечают, что только в последние годы они столкнулись с неприятием украинцев. Однако в подробных интервью только трое из информантов напрямую сталкивались со случаями дискриминации по этническому принципу, но каждый рассказывал подобные истории, которые они слышали от знакомых, а те, в свою очередь, слышали их от других людей. Учитывая комментарии в тематических сообществах, можно констатировать, что уровень украинофобии нагнетается самими мигрантами и представляет собой своеобразный ответ на рост подобных настроений в СМИ.

Прошлое нельзя оставить позади, оно поджидает в речах политиков, смотрит с экрана телевизора, говорить словами соседней по транспорту. Снижение конфликтного потенциала интенсивной миграции украинцев в Польшу может быть только при условии совместно переосмысления и переработки общего прошлого и снижения его эмоциональной ангажированности.

Библиография

- ASRIYAN 2017: Asriyan, E. (2017), Etnicheskiy i politicheskiy mif kak faktor formirovaniya obshchestvennog. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 161-172. [Асриян, Э. (2017), Этнический и политический миф как фактор формирования общественного мнения. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 161-172.].
- BRZozowska/GRZYMAŁA-KAZŁOWSKA 2014: Brzozowska, A./Grzymała-Kazłowska, A. (2014), Procesy inkluzji migrantów a więzi i sieci społeczne wśród małżeństw mieszanych. In: Acta Universitatits Lodziensis, Folia Sociologica. 50, 69-87.
- FIHEL/GÓRNY/GRZYMAŁA-KAZŁOWSKA i in. 2007: Fihel, A./Górny, A./Grzymała-Kazłowska, A. i in. (2007), Od zbiorowości do społeczności: rola migrantów osiedleńczych w tworzeniu się społeczności imigranckich w Polsce. In: CMR Working Papers. 27/(85).
- GOMÓŁKA 2016: GOMÓŁKA, K. (2016), Studenci, doktoranci i stażyści z Ukrainy na polskich uczelniach. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VII/1, 85-98.
- GRZYMAŁA-KAZŁOWSKA 2014: Grzymała-Kazłowska, A. (2014), The role of different forms of capital for immigrant adaption and mobility. The case of Ukrainian and Vietnamese immigrants settled in Poland. In: Ethnicities. 15, 460-490.
- ŁADA/BÖTTGER 2016: Łada, A./Böttger, K. (red.). (2016), #EngageUkraine. Zaangażowanie społeczne Ukraińców w Polsce i w Niemczech. Warszawa.
- Office for Foreigners 2015: Office for Foreigners (2015). Statystyki. Data from the Office for Foreigners. In: <http://udsc.gov.pl/statystyki> [доступ 15.09.2015].
- STADNYI 2015: Stadnyi, E. (2015), Number of Ukrainian students abroad. In: <http://www.cedos.org.ua/uk/osvita/kilkist-studentiv-ukraintsiv-za-kordonom> [доступ 19.04.2015].